

стился съ ними и отплылъ на парходѣ. Вдругъ онъ видитъ, что они бѣгутъ за нимъ по водѣ; подвижники вошли на судно и просятъ опять повторить имъ молитву Господню, потому что они ее забыли. Епископъ, пораженный чудомъ этихъ простыхъ людей, отказался настаивать на обученіи и велѣлъ имъ всегда молиться своею немудрой молитвой, которую они достигли такихъ великихъ даровъ вѣры, ибо когда подвижники снова повторили свою молитву, то лица ихъ озарились восторженнымъ благоговѣніемъ и слезами.

Откуда это благоговѣніе? спросимъ мы. Молитва странниковъ не чужда догмата: напротивъ обращаясь къ Трѣмъ Лицамъ въ единомъ Существовѣ („помилуй, а не помилуйте“), она говоритъ о томъ, что Божественная сущность чужда той личной раздѣленности, какая установлена грѣхомъ Адама въ нашей человѣческой жизни, и что задача христіанскаго подвига въ томъ и поставляется, чтобы многимъ раздѣльно существующимъ личностямъ, слиться въ одно существо единого новаго человѣка. Этотъ главный догматъ христіанской религіи и составляетъ ту нравственную силу, которая соединяетъ всѣхъ людей во едино, и которая поддерживала нераздѣльную дружбу и чистоту тѣхъ трехъ инородцевъ („да будутъ едино, якоже и Мы“: Іо. 17, 11).

Толстой называетъ себя христіаниномъ. На какомъ основаніи?

Что касается взгляда на личность І. Христа и отношенія къ Нему Толстого, то это достаточно разъяснено имъ самимъ хотя бы въ отвѣтъ на постановленіе Св. Синода объ отлученіи его отъ Церкви. Сознаваясь, что онъ дѣйствительно отрицалъ Божество І. Христа и всѣ догматы Церкви, какъ ненужные, онъ тѣмъ не менѣе не отвергаетъ нравственнаго закона, возвѣщеннаго Христомъ, и потому обвиненіе Церкви въ томъ, будто онъ отрекся отъ Христа какъ писатель, называетъ клеветой. Правда, сознается онъ дальше, что онъ отрицаетъ взглядъ на І. Христа, какъ на Искупителя и смотритъ на Него только, какъ на Великаго Человѣка. Онъ Его ставитъ на одну линію съ Буддой, Конфуціемъ, Сократомъ, Шопенгауэромъ и др. учителями жизни. Самая идея прогресса требуетъ предположенія, что со временемъ можетъ появиться ученіе болѣе высокое, чѣмъ Христа. „Можетъ быть и я самъ могу быть выше Его“, прибавляетъ Толстой. Однако